

Владимир Короткий

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВИДЕНИЕ ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЫ В ДРЕВНЕЙ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Историческое и художественное осмысление Грюнвальдской битвы 1410 г. в белорусской литературе начинается с эпохи позднего Средневековья и раннего Ренессанса. В ранних памятниках белорусско-литовского летописания, созданных с православных позиций, эта битва не всегда рассматривалась как факт национальной истории. Так, в *Хронике Быховца* на оценочное восприятие истории влияет «литвинский элемент» как мера ценности. В памятниках латиноязычных, в частности, в *Прусской войне* Яна Вислицкого не сам факт, а его мотивация, не герой битвы, а герой, избранный высшими силами, становится и главной фигурой в наррации, и художественным ядром фабулы произведения.

Ключевые слова: Грюнвальдская битва; православный элемент; художественное видение; белорусско-литовское летописание; *Прусская война*.

Белорусская письменность позднего Средневековья и раннего Возрождения породила несколько эпохальных типов культуры, нередко противостоящих друг другу своей аксиоматикой. С одной стороны, православность, которая объединяла и элиту, и плебс, еще отстаивала освященный веками уклад, поддерживала «древлиие» оценочные категории в их опять же незыблемой «древлести». С другой стороны, латинско-католическое

просвещение, разрушающее устоявшиеся веками каноны поведения, мышления, способствовало элитаризации и эголитаризации общества, в котором не только знатность рода, но и личные успехи в образованности, науке способствовали социальному успеху. Культурные, научные связи с Западной Европой, с католическим миром встречали, по меньшей мере, неприязненное отношение со стороны православного духовенства, законсервировавшего свои представления о спасении души лишь в рамках «простоты» и «древлего благочестия». На смену им приходил новый, секуляризованный идеал спасения души – слава (слава земная, мирская), которая должна быть увековечена здесь, на земле, в своей незыблемой вечности, поскольку она опиралась опять же на секуляризованные примеры славы из прошлого.

Для православной письменной культуры Средневековья римская и греческая античность как предмет восхищения была табуирована. В ее роли выступала исключительно иудейская история в ее ветхозаветном варианте либо христианская история апостольских времен. Даже метеорологические, астрономические, политические и экономические явления, например, в творчестве Кирилла Туровского объяснялись пророчествами, а «катастрофа и ее предчувствие воспринимались как обыденный уклад жизни и мышления.»¹ Национальная история воспринималась как часть всемирной истории, но в своеобразном православном видении. Героизация подвига, скажем, в летописях, напрямую связывалась с конфессией. Белорус-язычник или белорус-католик не рассматривались как потенциальные персонажи героической национальной истории.

Так, в Супрасльской летописи 1430–1446 гг., созданной православным автором, битва с крестоносцами отражается как в плане историческом, так и в плане художественно-содер-

¹ Аляксей Анатольевіч Мельнікаў, *Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё, спадчына, светапогляд*, Мінск: Беларуская навука, 1997, с. 223.

жательном в традиционной манере древнерусского исторического повествования. История Руси (Полоцкой, Киевской, Новгородской, позже Московской) объединена общей темой: она выстраивается как история становления православия на Руси. У православной Руси – общие враги: иноверцы – татары, и иноверцы же – западные «слуги Божии». Кто же им противостоит? Первый герой истории борьбы православной Руси с католическим Западом – великий князь Александр (Невский). Предыстория битвы с крестоносцами – история династическая: «В лето 6746. Оженися князь Александръ Невъскыи во Полоцце у Брячислава.»² Далее летописец сообщает, что «король части Римския» (заметим, имя его не называется) узнает от своего посланника Адрияша, что, хотя Александр и молод («взърасть Александръв дивъный»), однако посол дает ему следующую характеристику: «Прошед страны и языки, не видих такова ни во царехъ царя, ни во князехъ князя.»³ Что же православный летописец противопоставляет со стороны «короля части Римския» мужеству Александра? Гордыню – один из страшных грехов. Король «шетающа безумиємъ своимъ», надменно заявляет: «поиду пленю землю Алксандрову.»⁴ Своё намерение завоевать без труда землю Александра он сопровождает не менее надменным заявлением, с которым отправляет послов к Александру: «Аще можеша противитися мне, то есмь зде уже, пленю землю твою.»⁵ На землю русскую вступают огромные войска неприятеля, при этом летописец перечисляет народы, входящие в их состав. Что же противопоставляет крестоносцам Александр? Он пришел на Неву «у мале дружине [...] имеяше велику веру ко Борису и

² *Супрасльская летопись*, in: *Полное собрание русских летописей*, т. 35: *Летописи белорусско-литовские*, отв. ред. Б. А. Рыбаков; сост. и ред. тома Н. Н. Улащик, Москва: Наука, 1980, с. 43.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

Глебу.»⁶ Именно православные святые Борис и Глеб явились слуге Александра Филиппу с вестью о помощи. В этом видении, согласно летописцу, Борис обратился к Глебу с такой речью: «Брате Глебе. Вели грести, да поможеве сроднику нашему Александру.»⁷ Несмотря на это, согласно преданию, Александр не возгордился – напротив, велел хранить его в величайшей тайне. Летописец поименно перечисляет героев победы на Неве 25 июля 1240 г., среди которых называет и Якова Полочанина: «Сии наехаль, многажды бишася единым топоромь, и топоромь посече много, не имея во сердци, и паде от руку его неколко; вси дивишася силе его и храбрости.»⁸ Победа Александра сопровождается и помощью небесных сил: «множество мертвых» вражеского войска, из-за которых «не бе проходно полку Александрову», появилось на поле битвы «от ангель Божиих»⁹.

Весьма своеобразно отражена в Супрасльской летописи и Грюнвальдская битва. Традиционно в погодных записях события воспроизводятся в зависимости от их значения для государственной истории. Наиболее важным событием 1410 года, согласно этой летописи, было следующее: «Приде из Царяграда Фотеи митрополить, поставлень на всю Рускую землю, родомь гречинь.»¹⁰ Лишь после этого летописец в общих чертах сообщает о битве короля Ягайлы и великого князя Витовта «с немьци и с пруси во Прусьюкой земли, межи города Дубровны и Остредра.»¹¹ Для автора важно подчеркнуть, что битва, в которой участвовали войска Витовта и Ягайло, произошла «в Прусской земле». Это территориальное дистанционирование в наррации – очень важный элемент для восточнославянс-

⁶ *Супрасльская летопись*, с. 43.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.*, с. 44.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*, с. 54.

¹¹ *Ibid.*

кой историософии. Для восточнославянского летописца победа приобретает значение, величие, особый символический смысл только в том случае, когда это – война оборонительная, когда народ дает отпор агрессору на своей территории.

Обратим внимание и на еще один важный аспект трактовки Грюнвальдской битвы в Супрасльской летописи. Для православного историографа значение победы заключается прежде всего в том, был ли православным полководец, под предводительством которого она была одержана. В летописи ни король Ягайло, ни великий князь Витовт нигде не упоминаются под своими православными именами – Яков и Александр. Наоборот, уточняется: «бысть побоище королю Ягайлу, именовем Владиславу, и князю великому Витовту Кестутевичь с немьци и с пруси.»¹² И король, и великий князь принадлежат к иной вере – так же, как поляки, как часть белорусов и литовцев.

Для понимания сути, значимости великих национальных побед обратимся к сопоставлению двух из них, хронологически наименее отдаленных – Куликовской битвы 1380 и Грюнвальдской битвы 1410 г., в которых участвовали Ольгердовичи. Известный российский ученый Лев Гумилёв отмечал следующее: «На Куликово поле пошли рати москвичей, владимирцев, суздальцев и т. д., а вернулась рать русских, отправившихся жить в Москву, Владимир, Суздаль и т. д. Это было началом осознания ими себя как единой целостности – России. Таким образом, мы можем датировать толчок великорусского этногенеза началом 13 века [...], а осознание русскими себя как целостности – 8 сентября 1380 г.»¹³ В отличие от польской и русской литератур, где битва под Грюнвальдом и Куликовская битва, соответственно, приобрели символический смысл, в белорусских кириллических

¹² *Ibid.*

¹³ Лев Николаевич Гумилев, Александр Михайлович Панченко. *Чтобы свеча не погасла: Диалог*, Ленинград: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1990, с. 21–22.

памятниках Грюнвальдская битва не получила соответствующей оценки, не приобрела значения события государственного уровня; в представлении официальной историографии она оставила меньший след по сравнению с битвой на реке Ворскле в 1399 г. Поэтому, в отличие от польских хроник (например, *Истории Яна Длугоша*), в Супрасльской летописи 1446 г. нигде не упоминаются имена никаких героев Грюнвальдской битвы, кроме Ягайло и Витовта, и совсем не упоминаются имена побежденных крестоносцев. Для национальной истории, с точки зрения летописца, неважно даже, как звали великого магистра Тевтонского ордена. Войска короля Ягайло и великого князя Витовта «всю силу их немецкую побиша, и грады немецкыя пограбиша.»¹⁴ Описывая же битву на реке Ворскле, летописец, напротив, упоминает имена не только ее главных участников – великого князя Витовта и его врага хана Темир-Куклуя, но также (что не менее важно) имена погибших князей: Андрея Полоцкого и его родного брата Дмитрия Брянского (Ольгердовичей), князя Иоанна Борисовича Киевского, князя Глеба Святославовича Смоленского, князя Иоанна Юрьевича Бельского, краковского князя Выспытко¹⁵.

По моему мнению, не следует забывать и о том факте, что в начале XV в. Ягайло, сын тверской княжны Ульяны, практически утратил интерес к Московскому государству как объекту объединительной политики. В то же самое время Витовт видел в Москве не только военного соперника, но, прежде всего, соперника в деле вероисповедного объединения. Неслучайно, как только в 1381 г. киевский митрополит Киприан перенес свою резиденцию в Москву, у Витовта созрела идея воссоздания киевской митрополии во главе с киевским митрополитом Григорием Цамблаком (1416). Однако идея единения русинов по вере по главе с великим князем-католиком, видимо, не нашла поддержки

¹⁴ *Супрасльская летопись*, с. 54.

¹⁵ *Ibid.*, с. 52.

у простаков, часть которых стала смотреть на Москву как на «третий Рим». Дисгармония светской и духовной власти привела к двойственности в трактовке и понимании отечественной истории. Для русинов – православных белорусов и украинцев – объединительная деятельность Ягайло и Витовта рассматривалась прежде всего как насаждение «богопротивной латыни». И все же, почему именно смоленские и другие «русские» полки оказали наиболее серьезное сопротивление тевтонцам и нанесли им наиболее ощутимый удар? Потому что для них крестоносцы – это прежде всего иноверцы, борьба с которыми ведет к спасению души. Они не допустили иноверцев к своим рубежам, но и не рассматривали их земли как будущую часть своего государства. Для короля Ягайло, позже – для польской исторической мысли, напротив, Грюнвальдская битва ознаменовала начало государственного строительства, государственной независимости, она стала своеобразным толчком для создания в Центральной и Восточной Европе империи Ягеллонов, в которую, несомненно, должно было войти и Великое Княжество Литовское.

В *Хронике Быховца* (вторая четверть XVI в.) делается акцент на месте человека в истории. Автор *Хроники* не ограничивается перечислением событий Грюнвальдской битвы. Этот памятник был создан не без влияния князей Слуцких и Гаштольдов, поэтому летописец обращает отдельное внимание на воеводу Яна Гаштольда. Автор, патриот Великого Княжества Литовского, отмечает, что «począłasia bitwa z porania meżu nemcy i woyski litowskimi.»¹⁶ Лишь после этого автор уточняет, что король Ягайло послал на помощь великому князю Витовту лишь небольшой охранный отряд. Отличается своеобразием также заключительная часть этой небольшой летописной повести: «A innynie woyska lackije

¹⁶ Хроника Быховца, in: *Полное собрание русских летописей*, т. 32: *Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца; Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного*, Москва: Наука, 1975, с. 151.

niczoho im ne pomahali, tolko na to smotreli.»¹⁷ Для автора *Хроники Быховца* также важен и отмеченный выше «территориальный» аспект Грюнвальдской битвы: по окончании сражения, указывает он, войска победителей «na weś swiet znamenituiu slawu osiahnuwszy, za sia do swoich zeml dojechali.»¹⁸ По мнению летописца, самым главным результатом одержанной битвы является приобретенная на Грюнвальдском поле слава. Победа под Грюнвальдом приобрела, таким образом, душеспасительное значение. Слава, обретенная в войне с тевтонцами, была разделена на равные части между двумя государствами: рыцарские хорутви как сакральные символы крестоносцев были вывешены на обозрение в Костеле Св. Станислава в Вильне, а также в Костеле Св. Станислава в Кракове.

Совершенное иное отражение Грюнвальдская битва 1410 г. нашла в памятниках, созданных белорусскими католическими авторами. Здесь актуализируется не столько идея католического единства, сколько династические перспективы Ягеллонов. Уже не Витовт, а Ягайло становится в художественном изображении главной фигурой побед, в том числе и под Грюнвальдом, а также объединителем и собирателем земель вокруг Кракова. Эта идея наиболее ярко отражена в белорусской латиноязычной эпопее *Прусская война* (1516) Яна Вислицкого. Эпическое литературное мышление не допускает бинарности в определении главного героя. Исторические события – это только фон, отправные точки, на которые опирается мотивация поступка. Кем видит себя сам поэт? Конечно же, не летописцем и не историком. В стихотворном обращении к Павлу Русину из Красно Ян Вислицкий высказывает своё пожелание стать третьим среди поэтов, прославлявших своего учителя. Среди кого? Среди известных поэтов, его современников – Яна Дантышка и Кшиштофа Сух-

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid.*

тения. В прозаическом обращении к своему патрону Ян Вислицкий дает понять, что его творчество может быть оскорблено нареканиями «зоилов». Следовательно, сам поэт ассоциирует себя с Гомером. Заключительная фраза этого обращения Яна Вислицкого подтверждает мысль о его принадлежности к сонму поэтов: именно творчество Архилоха, известного сатирика, может побудить его к созданию палинодии¹⁹. В западноевропейской поэзии подобные апелляции могут трактоваться как топосы. Однако для белорусской поэзии это явление совершенно иного порядка. По существу, это одно из первых свидетельств переориентации белорусской письменной культуры на культуру западноевропейскую. Восточнославянская письменная традиция, основанная на корпоративности творчества, отмирает. История «украшается», но не посредством имплицированных поэтических либо прозаических опытов, а при помощи инструментария поэтики и риторики как организующих начал художественного видения. Наличие эголитарности в литературе эпохи Возрождения предусматривало также такой феномен, как интеллектуализация творчества. В данном случае интеллект проявляется в демонстрации знаний, обретенных посредством науки, а не опыта; образец выступает не в форме подражания или имитации, а служит источником топосов, определяющим образную систему на макроуровне. Такое понимание творческого процесса позволяло уйти от хронологической ретроспекции к реверсивному движению сюжета; в композицию вплетается диахроническая параллельность событий. Объединяющим началом поэтического эпоса служит не тематическая либо сквозная сюжетная линия, а центральный образ, вокруг которого группируются события, демонстрирующие либо объясняющие поступки героя.

¹⁹ См.: Joannis Visliciensis, *Bellum Prutenum* = Ян Вісліцкі, *Пруская вайна*, на лацінскай і беларускай мовах, уклад., перакл., камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай, Мінск: Прапілеі, 2005, с. 105.

История для художника-эпика теряет смысл в ее традиционной для исторической литературы форме погодных записей. Она видится либо как события, имеющие символическое значение, либо как деяния героев, которые обрели значение образов-символов. Однако вот на что следует обратить внимание. Религиозная переориентация вела не просто к какому-либо приращению нового знания; в ситуации белорусской культуры это, по существу, – переоценка роли человека в истории. Западноевропейский гуманизм предполагал новую аксиоматику в понимании человека и истории. Не история овладевает человеком, а человек – историей. Церковная история, воцерковленные деятели со своими именами отходят на второй план. Белорусская история нового времени помнит Владимира, а не Василия, Ярослава, а не Георгия, Ягайло, а не Якова или Владислава, Витовта, а не Александра. Мирская, светская история с ее светским идеалом славы довлеет над умами художников эпохи Возрождения. Предшественником современного Яну Вислицкому короля Сигизмунда Первого объявляется не король Владислав Второй, а Ягайло.

Обратим внимание на немаловажный аспект описания начала Грюнвальдской битвы. Как и в белорусских летописях, бой начинают войска Витовта, Витовт – герой, на нем – основная тяжесть сражения. Однако для христианизированной литературы интерпретация подвига и победы предусматривает не только личный героизм, но, в первую очередь, благословление подвига небесными патронами или патроном. Современному читателю может показаться совершенно излишним упоминание о богослужении Ягайло в критический момент битвы. Но за этим скрывается идея памятника: победа принадлежит тому, кому ее предвещает патрон, в данном случае – Святой Станислав. Следовательно, героическая фигура Витовта – на втором плане в идейном построении памятника. Он – вассал, он делает то, что

должен делать подчиненный воле монарха. Но победа все-таки принадлежит венценосной особе. Ян Вислицкий вкладывает в уста короля Ягайло следующие слова:

Et pugnate, precor: favet haec Victoria nobis,
Agmina quae Nomadum dejecit Massagetumque.²⁰ (II, 315–316)

(Сражайтесь же, прошу: та победа, которая покинула войска номадов и массагетов, благоволит нам.)

Замечателен и тот факт, что в *Прусской войне* великого князя Витовта и его войска постоянно сопровождает или оставляет «злая фортуна» – языческая богиня «судьбы сегодняшнего дня», «данного места», «частных дел». Следовательно, для Витовта битва под Грюнвальдом – эпизод героической истории. Можно привести и еще одну немаловажную параллель. Победа короля Ягайло под покровительством Святого Станислава оценивается выше всех побед великих полководцев прошлого, которым покровительствовали языческие боги. Вот почему в конце второй книги поэт пишет:

Cui, tu Roma, tuos noli annumerare Camillos,
Marcellum, Fabios et Caesaris optima gesta,
Nectora, Troja, tuum, fortem, Larissa, et Achillem,
Hannibalemque tuum, Carthago superba, ferocem;
Et quos Persae, Arabes, Parthi Graique loquaces
Commemorant, retro huic cedant virtutis honore
Egregii et gestis proceres regesque potentes. (II, 505–511)

(Не вспоминай ты, о Рим, своих Камиллов, Марцелла, Фабиев, а также величайшие подвиги Цезаря; [не вспоминай], о Троя, своего могучего Гектора, и ты, Ларисса, – Ахилла; [не вспоминай], гордый Карфаген, своего яростного Ганнибала! Те вельможи и могущественные короли, которых вспоминают персы, арабы, парфянцы и говорливые греки, идут позади него в отношении величия доблестной славы и подвигов.)

²⁰ Цит. по: Joannis Visliciensis, *Bellum Prutenum*.

Особый интерес представляет и художественное воплощение так называемых «ужасов битвы». После реалистичных картин сражения, которые по своей палитре приближаются к средневековому натурализму, следует неожиданное резюме:

Pars duplices erecta manus flectebat atroces
Maesta viros, sed inania pectore verba refudit.
Nulla fuit pietas precibus lacrimisque rogantum,
Germanus quoniam perflabat corpora fastus
Saeva Polonorum, gladii missique cruenti. (II, 448–452)

(Часть [крестоносцев], подняв обе руки, печально направлялась к суровым мужам, но они [т. е. крестоносцы] напрасно в душе подбирали слова. Не было никакого сочувствия к мольбам и слёзам умолявших, потому что германская спесь раздувала свирепых поляков, и мечи были направлены на окровавленного [врага].)

Здесь идет речь, как мне видится, не о самом факте избиения пленных крестоносцев, а о нарушении рыцарского кодекса чести, что подразумевало переход рассуждений из сферы военной в сферу морально-этическую.

Доминирующее среди белорусов восприятие битвы под Грюнвальдом как «чужой» объясняет и своеобразное отношение к ее результатам. К сожалению, до настоящего времени не создано ни одного сколь-нибудь значимого художественного произведения, посвященного этой битве, равно как эта битва не заслужила достойного внимания в обобщающих исследованиях по истории Беларуси. Только в последнее время белорусская творческая интеллигенция обратилась к теме Грюнвальдской битвы как символическому факту в отечественной истории.

Їteikta: 2011-03-14
Priimta: 2011-04-12

Uladzimir Karotki

HISTORICAL AND ARTISTIC VISION OF THE BATTLE
OF GRUNWALD IN OLD BELARUSIAN LITERATURE

Summary

Historical and artistic interpretation of the battle of Grunwald of 1410 in Belarusian literature starts in the late Middle Ages and early Renaissance. In early Belarusian-Lithuanian chronicles created from the point of view of the Orthodox position, this battle was not always viewed as a fact of national history. Thus, in *the Bychowiec Chronicle* it is the 'Lithuanian element' that is the measure of value which influences the evaluative perception of history. In Latin-written records, in *The Prussian War* by Ioannes Visliciensis, in particular, not the fact itself but its motivation, not the hero of the battle but the hero chosen by a higher force becomes both the most important figure in the narrative and the artistic core of the plot.